

УДК 343.983.25
ББК 67.5
DOI 10.24411/2073-0454-2019-10006

© Е.И. Галяшина, 2019

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕЛЕФОННЫХ И ИНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАТОРА ИЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

Елена Игоревна Галяшина, доктор юридических наук, доктор филологических наук, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), (125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9)
E-mail: egalyashina@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены возможности использования специальных лингвистических знаний для установления по телефонным переговорам положения лица в иерархии преступного сообщества (организации). Рассмотрены возможности использования специальных лингвистических знаний для установления по телефонным переговорам руководящего (лидерского) положения лица в иерархии преступного сообщества (организации). В качестве основных речевых признаков выделяются коммуникативные стратегии «руководства/управления», которые используются для экспликации волевых решений и каузации деятельности подчиненных.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, концепт власть, руководство преступным сообществом.

THE DETERMINATION OF LEADING POSITION IN THE HIERARCHY OF CRIMINAL COMMUNITY (ORGANIZATION) BY PHONE TALKS AND OTHER MESSAGES

Elena Igorevna Galyashina, doctor of law sciences, doctor of philological sciences, professor, deputy manager of the Department of Forensic Expertise Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSYUA), (125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Building 9)
E-mail: egalyashina@gmail.com

Annotation. Possibilities of use of special linguistic knowledge for establishment on telephone conversations of position of the person in hierarchy of criminal community (organization) are considered. The possibilities of using special linguistic knowledge to establish the leading (leadership) position of a person in the hierarchy of the criminal community (organization) by telephone conversations are considered. Communicative strategies of "management", which are used for explication of volitional decisions and causation of subordinates' activity, are distinguished as the main speech features.

Keywords: forensic linguistic expertise, concept of authority, criminal community leadership.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Галяшина Е.И. Использование результатов судебной лингвистической экспертизы телефонных и иных переговоров в целях выявления организатора или руководителя организованного преступного сообщества. Вестник Московского университета МВД России. 2019;(1):25-31.

Организация преступного сообщества относится к тяжким преступлениям, ответственность за которое предусмотрена ст. 210 УК РФ, посягающим на общественную безопасность, жизнь, здоровье и собствен-

ность граждан, нарушающим функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и объединений.

Создание преступного сообщества (преступной

организации) представляет собой объединение устойчивых, сплоченных, управляемых групп лиц для совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями проявляется в осуществлении организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации).

Такое руководство может выражаться, в частности, в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации), в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности).

К функциям руководителя преступного сообщества (преступной организации) следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации) по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества (преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы. Руководство преступным сообществом (преступной организацией) может осуществляться как единолично руководителем преступного сообщества (преступной организации), так и двумя и более лицами, объединившимися для совместного руководства (например, руководителем преступного сообщества (преступной организации), руководителем структурного подразделения, руководителем (лидером) организованной группы).

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, преступного сообщества координирует

действия криминальных авторитетов рангом ниже и рядовых участников преступного сообщества, создает устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, разрабатывает для них преступные планы, распределяет между ними сферы влияния и организует распределение доходов. Характерными особенностями организованного преступного сообщества выступают: высокая степень конспирации, высокий уровень саморегуляции, наличие жестких правил поведения для ее участников с определением санкций за отступление от них, пирамидальная иерархическая структура, на вершине которой находится криминальный авторитет (лидер), который определяет основные направления действий сообщества и входящих в него подразделений, который координирует, управляет, планирует и готовит преступления, распределяет роли между участниками, а в его непосредственном окружении — приближенная группа лиц, принимающих основные решения, формирование материальной базы — общих денежных фондов для взаимопомощи и подкупа должностных лиц.

Действия высшего лица в иерархии преступного сообщества проявляется в принимаемых им волевых актах и решения, действиях, сопровождаемых волевыми усилиями, каузирующими деятельность иных членов или групп, входящих в преступное сообщество.

Для квалификации действий субъекта по части 4 ст. 291 УК РФ необходимо установить, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, а также определить, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации), в то числе разработка планов и создание условий для совершения преступлений, организация и участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп и т.д. О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Преступное сообщество следует отличать от организованной группы, под которой, согласно ч.3 ст. 35 УК РФ понимается устойчивая группа лиц, зара-

нее объединившихся для совершения преступлений. В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, иной материальной выгоды.

На отличие преступного сообщества от иных видов преступных групп обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 года №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»¹ (далее Постановление). Преступному сообществу присущи наличие организационно-управленческих структур, в качестве которых выступают структурированные преступные группы, наличие иерархии, дисциплины, распределение ролей и функций, т.е. наличие определенных правил взаимоотношения между членами сообщества.

Структурированной организованной группе помимо собственно признаков «вертикали власти» — соподчиненных и взаимосвязанных подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.) присущи «единоначалие», стабильность состава и согласованность намерений, взаимодействие различных подразделений. Объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. В отличие от организованной группы с единой структурой преступное сообщество обладает более высокой степенью сплоченности и организованности.

Для доказывания факта участия лица в деятельности преступного сообщества необходимо помимо прочего установить, какое положение занимает лицо в его структуре, какую функцию выполняет в соответствии с установленными в организации правилами. Особое значение придается роли организатора, лидера или лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Организаторы и руководители преступного сообщества несут ответственность за все преступления, охватываемые их умыслом и совершенные членами сообщества, которое они организовали или которым руководили².

Однако деятельность лиц, занимающих наивыс-

шую ступень в иерархии преступных объединений, зачастую остается за рамками расследования, что способствует уклонению их от уголовной ответственности. Установление реального статуса криминального авторитета в преступной иерархии усложняется ввиду наличия в преступных сообществах многоуровневой иерархической структуры, предполагающей, что управлением и внутренними вопросами занимаются уполномоченные лица — руководители среднего звена. Высшие лидеры криминального мира осуществляют контрольно-надзорные функции, применяя технические средства и методы обмена информацией без визуальных контактов сводя к минимуму общение с рядовыми участниками сообщества, широко внедряя средства конспирации, маскируясь под законопослушных предпринимателей или граждан, задействуя подставных лиц и используя разнообразные формы, способы противодействия расследованию.

Для решения приоритетных задач, которые практика ставит перед криминалистами, используются речеведческие знания, оптимизирующие методы и средства судебной фоноскопической и лингвистической экспертиз³. Практические подходы к решению задачи установления иерархического статуса, говорящего по его речевому поведению, находят отражение в ведомственных экспертных методиках и методических рекомендациях⁴.

В то же время существующие методические подходы не учитывают специфику коммуникативного поведения лица, занимающего наивысшее место в преступной иерархии. В качестве иллюстрации можно привести анализ коммуникативной активности криминального авторитета Захария Калашова (Шакро Молодой). Действия Калашова квалифицированы следователем по ч. 4 статьи 210 УК РФ, однако в ходе допроса сотрудниками правоохранительных органов Калашов⁵ отверг свою причастность к преступному сообществу, и не признал себя «вором в законе» в суде⁶.

С позиции уголовного права организатором признается лицо, организовавшее преступное сообщество или возглавившее его, либо руководившее его участниками, а также лицо, организовавшее конкретное преступление, либо руководившее его совершением. Авторитет лидера определяется группой через успешность ее совместной преступной деятельности. К числу основных качеств, присущих современному лидеру организованной преступной группы (ОПГ), по мнению некоторых авторов, относятся: наличие опыта преступной деятельности; волевые качества; преобладающие по сравнению с другими участниками группы умственные способности; физическая сила; умение

держат слово; предприимчивость; коммуникабельность; решительность в действиях; знание внешних и внутренних условий функционирования группы, быстрая ориентированность и принятие решения в сложных для преступной группы ситуациях; умение обеспечить конспиративность подготавливаемых и совершаемых группой преступлений.

Центральной фигурой ОПГ, как правило, является лидер-организатор. Зачастую это последовательно-криминогенный тип личности, характеризующийся высокой степенью антиобщественной направленности, сформировавшейся негативной личностной ориентацией, которая не просто использует или подыскивает подходящую ситуацию для совершения преступлений.

Лидерские способности и умение управлять окружающими обеспечиваются эмоциональной холодностью, блокирующей или существенно ограничивающей субъективные возможности к соперничеству. В то же время эта черта позволяет сохранить необходимую социально-психологическую дистанцию с окружающим трезво анализировать складывающиеся ситуации с учетом всех наиболее важных моментов и на основе этого принимать рациональные волевые решения⁷.

Психологи отмечают, что речевой стиль лидера определяют его речемыслительные навыки и качества: чувство перспективы — видение того, к чему нужно стремиться, в каком направлении двигаться и как достичь цели; одержимость властью; убедительность — умение добиться своего, воздействовать на людей, умение владеть собой и умение «подать себя»; настойчивость — способность в случае неудачи не сдаваться, а предпринимать новые попытки в достижении цели; терпение — немногословность и выбор нужного слова в нужный момент — своего рода «речевое хладнокровие»; «речевая инициатива» инициативное введение собственных тем, «речевой диктат» — словесно выраженные оценки высказываниям, действиям иных участников коммуникации и т.п.⁸

С коммуникативной точки зрения лидер как бы стоит в центре сети межличностных связей, существующих в группе. Отношения между членами малой группы могут быть представлены в виде графа, в узлах которого — обозначения членов группы, а ребра указывают на связи между членами. Ребра ориентированы (они изображаются в виде стрелок), так как для характеристики внутригрупповой коммуникации существенны и односторонние, и двусторонние связи членов группы. Узел, в который входит максимальное число стрелок, соответствует лидеру группы; узел с

наименьшим числом входящих обозначает аутсайдера, то есть индивида, наименее связанного с другими членами группы, находящегося как бы на ее периферии... Однако возможны и так называемые универсальные лидеры, главенствующее положение которых в группе не зависит от целей внутригрупповой деятельности и от вида ситуации. Влияние такого лидера на группу бывает обычно особенно велико, он служит объектом подражания со стороны членов группы, в том числе и в речевом поведении. Формальное выделение лидера возможно путем измерения регулярности межиндивидуальных связей в группе. Такое измерение опирается на фиксацию числа взаимодействий членов группы в единицу времени с учетом таких факторов, как инициатива коммуникативного контакта, его цель, результаты и т. п.

Слова, манера произношения, интонации, играющие роль символов принадлежности к той или иной группе, нередко служат индикаторами, по которым опознаётся «свой»; напротив, человек, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как «чужой». Выделяют следующие факторы, способствующие речевой гомогенности группы: фактор сплоченности — чем сплоченнее группа, тем вероятнее ее речевая гомогенность; фактор лидера — чем больше сила речевого влияния лидера на группу, тем вероятнее «следы» такого влияния в речевой манере остальных членов группы; фактор времени — чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее нивелировка их речевых индивидуальностей, выработка общей манеры общения; фактор регулярности — речевая гомогенность группы прямо пропорциональна частоте и регулярности внутригрупповых коммуникативных контактов; фактор кода — выработка общей манеры речевого поведения возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом⁹.

Роль руководителя преступного сообщества, занимающего высшее положение в иерархии криминального мира, отличается еще и тем, что он обладает властно-распорядительными полномочиями, осуществляет контроль и надзор за деятельностью преступного объединения (организации), в том числе за доходами, полученными от незаконной деятельности и т.д.

Для доказывания выполнения лицом властно-распорядительных и контрольно-управленческих функций особое значение имеет экспертиза речевой коммуникации подозреваемого лица с иными членами преступного сообщества. В качестве объектов экспертизы выступают фонограммы телефонных переговоров, сводки, выполненные оперативно-техническими

подразделениями, с расшифровкой переговоров лиц в соответствии с входящими и исходящими звонками, тексты СМС-сообщений и иной электронной коммуникации, получаемые в ходе оперативно-розыскных мероприятий¹⁰.

Следует отметить, что предмет диалогического общения выступает организующим аспектом коммуникации, посредством него устанавливается контакт между собеседниками, — это то, о чем говорят и по поводу чего происходит обмен информацией. Координация, планирование, контроль за осуществлением говорящими совместной деятельности определяется потребностью группы как совокупного субъекта общения и проявляется в выборе необходимых речевых маркеров взаимопонимания и взаимодействия¹¹.

Порождение неподготовленного заранее речевого произведения в реальном масштабе времени выдвигает на первый план в иерархии языковых средств номинативные средства языка. Ключевые слова, создающие тематический остов и формирующие семантическую сеть текста, выполняют текстообразующую функцию, обеспечивая целостность и связность порождаемой спонтанно речи, устанавливая тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи в диалоге.

Об устойчивости реализации темы свидетельствует способность отправителя и получателя информации: быстро выделить тематику информации, по ключевым словам, правильно интерпретировать начало сообщения и предвосхищать его развертывание; восстановить смысл сообщения, несмотря на пропущенные элементы; понимать общий символичный язык (код); правильно определить замысел высказывания.

Ситуационная вариативность связана, прежде всего, с коммуникативной установкой и ситуацией общения и проявляется в преимущественном выборе языковых средств в зависимости от компонентов ее структуры. Индивид выступает в каждой конкретной ситуации в определенной социальной роли, которую он должен проигрывать в соответствии с принятыми в данном коллективе социально-речевыми нормами поведения. Поэтому существенное внимание при изучении речевого произведения как объекта экспертизы направлено на моделирование компонентов коммуникативного акта, влияющих на устойчивость и вариативность языковых средств.

Ситуация общения, позволяющая идентифицировать внутригрупповой деловой дискурс в рамках совместной деятельности, отражается в таких коммуникативных переменных, как жанр, пространственно-временные отношения, ситуативно-коммуникативные роли, направленность коммуникативных действий в

разговоре, фиксированность темы, отношение общения к практической деятельности и др.¹².

Показателями степени коммуникационной интеграции являются частота контактов по деловым вопросам и их содержательная характеристика. Ролевые, дистанционные и нормативные характеристики поведения составляют концептуальное ядро категории социального статуса человека и раскрываются в признаках речевого поведения. Соотносительная статусная оценка проявляется в: а) статусе в системе социальной стратификации (стратификационная оценка); б) статусной позиции вышестоящего, нижестоящего и равного человека (дистанционная оценка); в) соответствии поведения статусной норме (ролевая оценка).

В научной литературе маркерами проявления в диалоге властных полномочий руководителя (лидера) считаются лексические и морфологические структуры, которые используются для кодирования статуса и престижа, и маркируют коммуникативную дистанцию в асимметричных социальных отношениях типа «начальник-подчиненный»¹³.

Тем не менее концепт «власть», в таком аспекте не рассматривался, хотя, как показывает экспертная практика, именно его вербализация оказывается наиболее диагностически значимым признаком для установления наивысшего положения лица в преступной иерархии.

Власть криминального авторитета, эксплицируемая в вербальном поведении, может рассматриваться как способность и возможность не просто осуществлять, но навязывать свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение преступной организации как единого целого.

«С философской точки зрения власть подобна авторитету. Коррелятом ее является уважение. Герменевтическая, или коммуникативная, модель связана с феноменологией и герменевтикой. Ее сторонники полагают, что власть конституируется благодаря разделяемым членами данной социальной общности смыслам. Убеждения являются центральным ингредиентом властных отношений и соображения рациональности обязательно участвуют в общественной жизни. Интерес герменевтики направлен прежде всего на символические и нормативные конструируемые, которые и формируют практическую рациональность данных социальных агентов. Такой подход включает также веру в то, что люди по природе своей существа лингвистические и язык во многом предопределяет характер общества, и формы существующей власти в том числе. Напр., Арндт Ханна в работе «О насилии» проводит мысль, что власть означает способность человека дей-

ствовать, но действовать совместно. Власть, по ее мнению, никогда не является собственностью индивида, а принадлежит группе и существует только до тех пор, пока группа сохраняет свое единство. Люди—уникально коммуникативные существа, и именно благодаря их способности разделять с другими мысли и отношения поддерживается их способность властвовать и подчиняться. Для сторонников этой модели власть входит в систему ценностей, которые конституируют идентичность, равно как и возможности деятельности социальных агентов»¹⁴.

Функциональный подход предполагает, что речевые признаки властных полномочий коррелируют с социальными ценностями, организацией и стратификацией в обществе и что эти признаки влияют на восприятие и поведение личностей и групп. Интеракционный подход предполагает, что власть реализуется и конструируется в таких формах, потому что некоторые люди обладают большим контролем над процессом коммуникации. Эти речевые формы являются индексами власти и признания права за определенными личностями, группами и институтами общества контролировать других. Человек с меньшей властью в асимметричных отношениях не будет отдавать приказы человеку с большей, и человек с большей властью не станет просить или призывать к ответу. Иные речевые акты также могут быть обусловлены отношениями власти: принесение извинений, просьба о разрешении, предложение совета и др.

К признакам власти на уровне дискурса также относят инициативу в передаче речевого хода, возможность перебивать, инициировать продолжение или переход темы и оценивать вклад других в коммуникативную интеракцию. Это содержательно и композиционно организующая сила в интеракции, воплощенная в роли коммуникативного лидера, по сути, понятие доминирующего партнера в диалоге, обладающего большей коммуникативной активностью в речевом поведении.

Статусный признак соотносится с активным источником действия и с особыми способностями/неспособностями человека к совершению действия. Одним из существенных признаков речевого поведения авторитарного лидера — уверенность, решительность, категоричность в речевом поведении.

«В любом авторитарном сообществе лидер или правящая группа всегда претендуют на обладание «истиной в последней инстанции». Показывается (именно в речи и речью, ее устройством), что нет и не может быть ничего неясного, сложного, разнообразного. Всякое различие мнений представляется как бинарная

оппозиция правильного и неправильного, истинного и ложного: нет разных мнений, есть верное («свое») и неверное («чужое»). Это и понятно: если принципом жизни и деятельности является борьба, то необходимо то, с чем можно бороться, нужен объект борьбы — другое мнение, которое представляется как противоположное, отчужденное (чужое), неправильное. Или нужен другой человек (группа людей), которые представляются как враг, противник. Итак, и люди, и мнения делятся на два лагеря — свои и чужие, друзья и враги, но принцип власти все равно с неизбежностью приводит к «уменьшению численности» «своих» вплоть до замыкания на одной фигуре — фигуре лидера — и на одном мнении — единственно истинном»¹⁵.

Положение в иерархии, опосредованной вербальным общением, проявляется в соблюдении дистанции между участниками диалога (при этом вышестоящий участник более свободен в установлении, поддержании и изменении дистанции, чем нижестоящий участник) и в социальных нормах межличностного общения, как в неофициальном, так и официальном поведении людей¹⁶.

Феномен власти самым тесным образом связан с принуждением. Власть определяется как возможность навязывания своей воли другим, вопреки сопротивлению, как право накладывать обязательства и принуждать к действиям. Власть в дискурсе выражается в том, что обладающие властным статусом коммуниканты контролируют и ограничивают коммуникативный вклад нижестоящего участника (не обладающего властью)¹⁷.

Известны три типа ограничений: 1) ограничения на содержание коммуникации; 2) ограничения на типы социальных отношений, в которые могут вступать участники коммуникации; 3) ограничения на позиции субъекта коммуникации. Перевод властных отношений в дискурсивную форму означает, что сила проявляет себя в праве говорить и в праве лишать этой возможности других. Лишение слова является одним из проявлений речевой агрессии, которая является сублимацией агрессии физической¹⁸. М. Фуко к средствам контроля над дискурсом относит процедуры исключения, в том числе запрет («говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить о чем угодно») ¹⁹. К проявлению власти относится и вопрос: «Всякий вопрос есть вторжение»; «применяемый как средство власти, он врезается как нож в тело того, кому задан» ²⁰.

Молчание предполагает точное знание того, что умалчивается, поэтому власть выступает, в том числе, и как монополия на информацию. Э. Канетти верно подчеркивает значимость момента выбора как способа

проявления власти: «Поскольку невозможно молчать всегда, приходится делать выбор между тем, что можно сказать, и тем, о чем следует умолчать»²¹. Лишь обладающий властью имеет право делать выбор, в том числе выбор из нескольких коммуникативных возможностей.

К сфере власти относится неравное распределение просматриваемости. Властвующий должен видеть все насквозь, но не позволять смотреть в себя. Сам он остается закрытым. Его настроения и намерения никому не дано знать»²².

Понятийное ядро концепта «власть» включает такие семантические составляющие как «господство (доминирование), право, контроль (способность контролировать), сила, влияние, принуждение, авторитет»²³.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что использование специальных знаний в области судебной лингвистической экспертизы на современном этапе развития ее теории и практики позволяет выработать методические подходы для установления и доказывания по речевому поведению факта высшей позиции лица в организованном преступном сообществе. В этой связи представляется необходимым проведение дальнейших научных исследований для определения семантических компонентов концепта «власть» и его экспликации в речевых тактиках осуществления властных полномочий в криминальном дискурсе.

новив связи с такими известными криминальными лидерами, как Аслан Усоян (Дед Хасан) и Вячеслав Иваньков (Япончик), Шахро Молодой стал одним из самых авторитетных воров в законе. <https://www.kommersant.ru/doc/3036504> (Дата обращения 20.03.2018).

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/3058877> (Дата обращения 20.03.2018).

⁷ Анисимов Е.Б. О криминалистической характеристике руководителя преступной организации [Электронный ресурс] <http://izvestia.asu.ru/2009/2/jurs/TheNewsOfASU-2009-2-jurs-01.pdf>. (Дата обращения 20.03.2018).

⁸ <http://www.psylyve.ru/?mod=articles&gl=7&id=400> (Дата обращения 20.03.2018).

⁹ Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. - М., 2004. С. 475-485.

¹⁰ Балаш М. А., Коряковцев А. В. Практика использования лингвистической экспертизы при доказывании совершения наркопреступлений группой лиц // ЮРИСЛИНГВИСТИКА. №1(12). 2012. С.111-116.

¹¹ Бельская Н.С. Разработка методики судебной лингвистической экспертизы групповой коммуникации в организации по делам, связанным с противодействием организованной экономической преступности. Магистерская диссертация. Научный руководитель профессор Гальяшина Е.И. – М.: Университет имени О.Е. Кутафина. 2014.

¹² Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003, с. 157-159.

¹³ Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.с. 279-285.

¹⁴ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс] <https://dic.academic.ru/>. (Дата обращения 20.03.2018).

¹⁵ Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. Пособие для студентов гуманитарных факультетов. — М.: Издательский центр "Academia", 1996. С. 75-76.

¹⁶ Бельская Н.С. Речевое действие «Запрос на принятие решения» в судебной лингвистической экспертизе групповой коммуникации при расследовании преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) | Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 398. С. 5-14.

¹⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.

¹⁸ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, Универс, 1994.

¹⁹ Фуко М. Воля к истине: по сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. с.51

²⁰ Канетти Э. Элементы власти // Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. – Самара: Изд. Дом. «Бахрах», 1999. С.124.

²¹ Там же с. 135

²² Там же с. 133

²³ Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (дата обращения 20.03.2018)

¹ Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 12 г. Москва "О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)" Опубликовано 17 июня 2010 г. Российская газета - Федеральный выпуск №5209 (130). (Дата обращения 20.03.2018).

² Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. N 5. С. 53-57.

³ Гальяшина Е.И. Установление положения лица в иерархии преступного сообщества (организации) по телефонным переговорам //Союз криминалистов и кримиологов. №1-4. 2017. С. 133-139.

⁴ Разработка методики психолого-лингвистического исследования устной речи по записям телефонных и иных разговоров при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). – М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2008.

⁵ Уроженец Баку и курд-езид по национальности, в СССР и России он был трижды судим за различные преступления. Во время одной из отсинок получил статус вора в законе. Уста-